

Андреева Галина Александровна
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
УДК 159.9.072

Отрицания в речи как маркер описания эмоционально негативных стимулов

*отрицания, негативная оценка, дискурсивный маркер, ЭДЕ,
негативные стимулы, дискурс, устный корпус*

Введение. В практической психологии, в маркетинге, а также среди специалистов, практикующих гипноз, расхожим является представление о том, что отрицания лучше не использовать в речи или в рекламе, т.к. они либо запутывают реципиента, либо вообще не обрабатываются на неосознаваемом уровне [Горин 1995; Бэндлер 2000]. Всё дело в том, что при обработке отрицаний актуализируется отрицаемая лексема, а она противоположна основному значению фразы. Педагоги не рекомендуют использовать отрицания в запрете, потому что в такой фразе нет указания на то, как нужно делать [Ананьев 2007].

Эти широко известные и используемые в практической психологии предположения об отрицаниях в речи в целом остаются вне научного фокуса. Но есть некоторые зарубежные исследования, призванные прояснить характер влияния отрицаемой лексемы (или семантического ядра отрицания) на эмоциональную оценку этих фраз и эмоциональную реакцию [Wegner 1981; Herbert 2011]. Они показывают, что отрицательная формулировка фразы или слова может заметно сдвигать оценку в негативную сторону. Этот эффект связывают с влиянием эмоционально негативного значения ядра слова, которое принадлежит отрицанию, например, «no disease» (ядром здесь является слово «disease»). Но есть данные, которые показывают, что даже отрицаемые слова с позитивным ядром (например, «no love») вызывают заметный сдвиг оценки в негативную сторону, а также вызывают мигательный рефлекс как индикатор стрессовой реакции [Herbert 2011]. Сами авторы исследования с мигательным рефлексом считают свои результаты парадоксальными относительно разделяемой ими теории влияния семантического ядра.

Данные эксперименты показывают негативный эмоциональный характер восприятия отрицаний. Можем ли мы предположить, что такая закономерность есть и в противоположном, но очень близком по механизмам работы процессе – при порождении речи? Этот вопрос остается неисследованным.

Интересные теоретические рассуждения об отрицаниях в речи можно найти у З. Фрейда. Наиболее обобщенной является его идея о том, что отрицания в широком смысле – проявления Танатоса или деструктивного влечения, тогда как форма утверждения считалась результатом Эроса или влечения к жизни [Фрейд 2006]. Эти рассуждения Фрейда представлены в короткой, но очень емкой по смыслам статье «Отрицание» 1925 г. Говоря «нет», человек пытается отвергнуть, отбросить от себя плохое. Говоря «да» – наоборот, принять в себя хорошее. Если перевести эти тезисы на язык примитивных оральных инстинктов, то принятие и «да» – это способ проглотить нечто приятное, отвержение и «нет» – выплевывание отвратительного. Так, согласно психоаналитической трактовке, интеллектуальные функции суждения (согласия или несогласия) развились из примитивных инстинктов. И теперь становится понятно, почему отрицание в речи трактуется как проявление деструктивного влечения, а согласие или подтверждение рассматривается как заменитель единения и является проявлением Эроса.

Определенное влияние на характер выдвигаемой нами гипотезы оказал и прагматический характер отрицаний, заключающийся в том, что отрицания в речи сопряжены с эмоционально негативными ситуациями запрета, отвержения, критики [Убушаева 2008]. Эта констатация даже используется как доказательство негативного эмоционального характера фразеологизмов, сформулированных отрицательно [Белобородова 2010].

На основании вышеизложенных теоретических рассуждений можно предположить, что отрицания в речи действительно сопряжены с негативными эмоциями, но это утверждение изучено явно недостаточно. В нашем исследовании мы попытались экспериментально проверить, могут ли стимулы негативного эмоционального характера актуализировать употребление отрицаний при спонтанном устном описании этих стимулов. Для концептуализации исследования был выбран фрейм дискурса и дискурсивных маркеров (ДМ), как наиболее удобный и актуальный способ обработки и интерпретации полученных рассказов.

Эксперимент 1 «Картины». Испытуемым (N=42) нужно было устно описать две картины, противоположные по своим эмоциональным характеристикам – позитивная (рис. 1) и негативная (рис. 2). Испытуемыми были в основном студенты РАНХиГС в возрасте от 18 до 23 лет. Предварительная калибровка и оценка картин по шкале выражения эмоций показала высокую разницу в оценках испытуемых (N=10) своих эмоциональных реакций в ответ на предложенные картины (картина Мунка вызвала явно негативные переживания).

Гипотеза: при описании эмоционально негативной картины в рассказах испытуемых будет больше отрицаний, чем при описании позитивной картины.

Полученные устные рассказы транскрибировались по системе выделения фраз или элементарных дискурсивных единиц ЭДЕ [Кибрик 2003, 2009; Бутова 2021] и далее сравнивались по количеству отрицательных оборотов (частицы и приставки «не», «ни» и слова «нет») относительно количества фраз в рассказах.

Рис. 1. А.Н. Аверин «На этуадах», конец XX в.

Рис. 2. Э.Мунк «Смерть и дитя», 1899 г.

Результаты исследования 1: если сравнивать индексы отрицаний по критерию Вилкоксона для связанных выборок, статистическая значимость различий высокая ($p \leq 0,001$). Значение критерия $Z = -3,720$, значимость $p = 0,000$.

Количество отрицаний в описаниях негативной картины встречаются в два раза чаще, чем при описании позитивной картины (индекс отрицаний 0,12 и 0,06 соответственно). Стандартное отклонение показывает большую вариативность количества отрицаний при описании позитивной картины (0,06), чем при описании негативной (0,08). Это говорит о том, что употребление отрицаний при описании негативной картины более согласованы и стабильны.

Эксперимент 2 «Воспоминания». Во втором исследовании (N=32) испытуемым нужно было рассказать два воспоминания о

себе: страшное и радостное. Гипотеза: страшные воспоминания будут описываться с большим количеством отрицательных фраз, чем радостные воспоминания. Участниками были также студенты РАН-ХиГС. Полученные данные анализировались аналогично первому исследованию с картинками.

Результаты исследования 2: при описании страшного воспоминания отрицания использовались испытуемыми в два раза чаще, чем при описании радостного воспоминания (индексы 0,16 и 0,08 соответственно). Сравнение индексов отрицаний в рассказах о воспоминаниях по критерию Вилкоксона для связанных выборок показало высокую статистическую значимость различий ($p \leq 0,001$). Значение критерия $Z = -3,606$, значимость $p = 0,000$. Стандартные отклонения показывают умеренную вариативность данных.

Обсуждение. Если обратиться к интерпретации данных в чисто механистическом ключе, то появление отрицаний при описании негативных стимулов может быть результатом ассоциации отрицательной формы в речи с эмоционально негативным характером стимулов. Истоки данной ассоциативной связи лежат в речевом опыте каждого из нас, когда с детства ребенок, а потом и взрослый сталкивается с отрицательными частицами в эмоционально негативных ситуациях запрета, депривации желания: «Не плачь, не кричи, не кури», критики: «Нет логики, не годится», отказа: «нет сил, не работаем» и т.п.

Вспоминая идеи Фрейда о том, что отрицания в речи подобны желанию отбросить от себя что-то плохое, можно сделать вывод о том, что актуализация отрицаний при **описании негативных стимулов вызвана именно этим желанием – выйти** из ситуации, в которой человек вынужден погружаться в негативные воспоминания или разглядывать и описывать картину, повествующую о смерти матери маленькой девочки.

В представленных здесь исследованиях анализировались суммарные отрицания на уровне текста. Дальнейшие же исследования будут направлены на выявление механизмов работы отрицаний на уровне фразы, т.к. остаётся непонятным механизм актуализации отрицания в каждом конкретном случае. Ведь употребление отрицательных маркеров не обусловлено недостатком лингвистических средств, почти в каждом случае фраза может быть построена утвердительно.

Выводы. Проведенные исследования показывают, что от эмоционального характера описываемого стимула может зависеть количественное употребление отрицаний в речи – негативный стимул актуализирует отрицания в речи. Данный вывод подкрепляется двумя экспериментальными процедурами, которые показывают количественно схожие результаты, что указывает на надежность полученных данных.

Литература

Белобородова А.В. Средства выражения отрицания и негативной коннотации во фразеологизмах со значением безразличия в русском и английском языках / А.В. Белобородова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 1. – С. 147– 155.

Кибрик А.А. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего / А.А. Кибрик, В.И. Подлесская // Когнитивные исследования. – 2006. – Т. 1. – С. 138– 158.

Фрейд З. Психологические сочинения [в 10 т.]: Т. 4 / З. Фрейд. – М.: ООО «Фирма СТД», 2006. – 325 с.

Wegner D. Incrimination through innuendo: Can media questions become public answers? / D. Wegner, R. Wenzlaff, R. Kerker, A. Beattie // Journal of Personality and Social Psychology. – 1981. – 40. – Pp. 822– 832.

Herbert C. Negation as a means for emotion regulation? Startle reflex modulation during processing of negated emotional words / C. Herbert, R. Deutsch, S. Sütterlin, A. Kübler, P. Pauli // Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience. – 2011. – Vol. 11 (2). – Pp. 199– 206.